

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Библиографический список:

1. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека // Царство Духа и царство Кесаря. М. : Республика. 1995. 375 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М. : Республика. 1994. 480 с.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. : Макет. 1995. 311 с.
4. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М. : Государственное издательство политической литературы. 1995. 239 с.
5. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск : Водолей, 1998. 384 с.

Бугров К. Д.

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОМ XVIII В. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖАНРА ЦЕРКОВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Аннотация. Статья анализирует политическую роль жанра церковной проповеди в России XVIII в. Основными риторическими стратегиями политической проповеди являлись провиденциализм и сакрализация монарха. Именно церковные авторы осуществляли легитимацию дворцовых переворотов и реформы местного управления 1770-х гг.

Ключевые слова: политическая мысль, проповедь, Просвещение, монархизм, провиденциализм, Россия XVIII в.

Российская социально-политическая мысль Нового времени обычно трактуется исследователями как феномен по преимуществу секулярный, как процесс развертывания ценностей европейского Просвещения на российской интеллектуальной почве. Соглашаясь с тем, что трансфер европейских идей имел определяющее влияние на пути развития отечественной интеллектуальной традиции XVIII столетия, мы все же должны подчеркнуть: чрезмерным упрощением будет рассматривать данные процессы как триумфальный ход секуляризации. Религиозная составляющая в отечественной политической культуре Нового времени оставалась сильной, устойчивой, она продуктивно взаимодействовала с европейскими интеллектуальными инновациями.

Бытовала эта политическая мысль в оригинальном жанре – церковной проповеди (мы имеем в виду жанр в бахтинском смысле – как коммуникацию между адресатом и адресантом, определяемую их статусами). Проповедь, обычно представлявшая собой устный текст, который произносился представителем высшего слоя церковной иерархии в торжественной обстановке перед слушателями, относившимися к элите Российской империи, получала вторую жизнь как текст широкого использования, будучи опубликованной. При Елизавете Петровне издание проповедей, произносимых при дворе, станет обязательным. Обычно проповеди такого толка комбинировали библейскую образность (с опорой на аналогии и уподобления) с панегирическими похвалами по адресу монарха. Аналогия и похвала переплетались, формируя своеобразный язык для разговора о политике. Конечно, пышные аналогии носили риторический характер и вроде бы не подразумевали буквального толкования. Но, в конечном счете, как справедливо отмечают В. М. Живов и Б. А. Успенский, «размежевать религию и гражданский культ монарха оказалось невозможным. Напротив, панегирические тексты прочитывались буквально и служили дополнительным источником той же сакрализации» [11, с. 288].

Политическая аргументация этого языка, в свою очередь, опиралась на комбинацию доводов о божественном происхождении власти (провиденциализм – утверждение о том, что источником всей власти непосредственно является Бог) и риторической сакрализации монарха (вплоть до уподобления демиургу) средствами барочного панегирика. Творцами этой манеры политической речи выступили крупнейшие проповедники и ораторы петровской эпохи, такие, как Стефан (Яворский) и Феофан (Прокопович), однако в полной мере она была развита и фактически превращена в систему легитимации власти в эпоху Елизаветы Петровны. Именно тогда настоящий поток придворных проповедей на политические темы, безотлагательного выходивших в печати крупными тиражами [6], утвердил петровский «культ» в качестве политической константы отечественного политического мышления. Образ царя-преобразователя Петра Великого, один из ключевых образов всей концептуальной вселенной России Нового времени, в громадной степени создавался именно средствами придворной проповеди. Стараниями проповедников крупнейший феномен российской истории, представлявший собой болезненный разрыв с предшествующей культурной традицией – петровские преобразования – получал осмысление в рамках взгляда на российскую исключительность, связанного еще с позднесредневековыми религиозными текстами. Реформы по западному образцу теперь представляли лишь проявлениями божественной мудрости царя-демиурга.

Проповедь играла важную роль и для легитимации, в которой так нуждались монархи, приходившие к власти по результатам дворцовых переворотов. Провидение сыграло огромную роль в легитимации елизаветинского переворота 1741 г., когда наряду с манифестами законность новой царицы подданным разъясняли самые красноречивые церковные ораторы. Целый поток политических проповедей объявлял Россию «новым Сионом», а Елизавету – «новым Петром», и не только Петром, поскольку архиепископ Московский Платон (Малиновский) уподоблял Елизавету Христу [10, с. 3]. Подобно Елизавете, Екатерина разъясняла подданным свою законность в серии манифестов [5]. Однако уже 10 июля 1762 г., спустя всего 12 дней после переворота, в Успенском соборе московского Даниловского монастыря с проповедью выступил Константин (Борковский). Будучи искусным оратором, Константин воспроизвел в своей проповеди основные аргументы первого екатерининского манифеста, однако при этом он умело поместил их в рамки уже сложившейся традиции [7]. Та же модель легитимации воспроизводилась в проповедях «на день восшествия» Екатерины II на трон, принадлежавших авторству наиболее видных церковных иерархов [1].

Хотя современный исследователь церковного панегирика Е. М. Матвеев утверждает, что во 2-й половине XVIII в. проповедь «приобретает нравственно-практический характер и меньше интересуется политическими событиями» [8, с. 50], надо отметить, что при Екатерине церковные иерархи оказались, включены в процесс создания и трансляции идеологии еще сильнее, чем при Елизавете. Именно в екатерининское царствование церковная проповедь оказалась использована для массовой (по меркам, конечно, XVIII в.) идеологической поддержки государственной реформы – преобразования административного деления страны и учреждения системы дворянского самоуправления, осуществленного Екатериной II в 1775 г. На церковных иерархов была возложена обязанность выступать с проповедями во время торжественного открытия новых губерний, разъясняя слушателям смысл и характер преобразований [2, с. 136–159]. Конечно, и раньше церковным ораторам приходилось говорить о реформах мудрых правителей (например, о петровских преобразованиях). Но все же задача поддержки реформы 1775 г. оказалась новой. Как же с ней справились церковные проповедники? Игнорируя уже возникшую к тому моменту дворянскую политическую мысль, считавшую местное самоуправление важнейшим элементом корпоративного статуса дворянства, проповедники рассматривали создание дворянских судебных органов как манифестацию божественной мудрости императрицы, и призывали «избранных» подданных соответствовать этому образцу [3; 4; 9]. Само описание доброго судьи, которому проповедники уделяли много внимания, строилось по иным канонам, однако когда разговор заходил о генезисе реформы, проповедь переключалась обратно в тот монархически-провиденциалистский регистр, который мы охарактеризовали выше. Уже позднее, при Александре I, церковная проповедь будет использована в качестве одного из инструментов идеологического осмысления бесконечных войн против наполеоновской Франции; язык проповеди позволит описать тяготы конфликта и последовавший за ними неслыханный триумф.

Во всех этих случаях на протяжении более чем столетнего периода характер проповеди как жанра политической речи определялся двумя важнейшими параметрами: риторике чуда (представлявшей прошлое и настоящее страны как арену непосредственного вмешательства Провидения, способного в одночасье изменить ход событий вне зависимости от социальных или экономических предпосылок) и фокусу на личности монарха, описываемого в качестве демиурга. В концептуальном пространстве проповеди Россия управляется не только Промыслом, но и личными качествами управляющих ей великих монархов; эта вторая риторическая манера позволяла церковным проповедникам успешно описывать вполне «светские» реформы, такие, как реорганизация армии или создание дворянского самоуправления. Ключевой оставалась фигура царя – агента чуда и одновременно его творца.

Думается, что именно эти идейные разработки проповедников XVIII в. оказали колоссальное влияние на развитие российской политической культуры в XIX и начале XX в., и в этом смысле церковные авторы века Просвещения заслуживают того, чтобы стоять в первых рядах политических авторов наряду с такими важнейшими фигурами общественно-политической мысли, как В. Н. Татищев, М. М. Щербатов или А. Н. Радищев.

Настоящее исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук по теме «Роль церковной проповеди и панегирика в российской политической культуре XVIII в.» (соглашение № 075-02-2018-179).

Библиографический список:

1. Гавриил (Петров-Шапошников). Слово на высокаторжественный день коронования всепресветлейшия великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския. СПб. : Имп. Академия наук. 1773.
2. Зернова А. И. «Власть без доверия нации – ничто». Губернская реформа Екатерины II в проповедях на открытие наместничеств // Россия XXI. № 4. 2013. С. 136–159.
3. Иероним (Фармаковский). Слова при начале и окончании открытия Владимирского наместничества. М. : Унив. тип. 1779.

4. Иннокентий (Нечаев). Слово на открытие наместничества в Риге. СПб. : Тип. Морского шляхетного кадетского корпуса. 1783.
5. Киселев М. А. Обстоятельный манифест о восшествии Екатерины II на престол 1762 г.: авторство и идейные источники // Современная научная мысль. 2018. № 5. С.48–63.
6. Кислова Е. И. Издание придворных проповедей в 1740-е годы // XVIII век. Сборник 26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб. : Наука, 2011. С. 52–72.
7. Константин (Борковский). Слово торжественное о всерадостнейшем и вожденнейшем на самодержавный всероссийский престол вступлении Ея Священнейшего Императорского Величества. 1762 года, июля 10 дня в день воспоминания Турецкой акции. М. : При университете. 1762.
8. Матвеев Е. М. Русская ораторская проза середины XVIII века. (Панегирик в светской и духовной литературе). СПб. : Ф-т филологии и искусств. 2009.
9. Платон (Левшин). Слово при открытии нового в Калуге наместничества // Платон (Левшин). При Высочайшем Дворе ее императорского величества Екатерины Алексеевны сказываемые. М. : Сенатская тип. 1780.
10. Платон (Малиновский). Слово в день Рождения Ея Императорского Величества. М. : Моск. тип. 1752.
11. Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М. : Гнозис. 1994.

Букрина А. А.

ОТНОШЕНИЕ К БОГАТСТВУ И ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БУДДИЗМЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния буддизма на экономическую жизнь в Китае. Поднимается главный вопрос о роли такой религии как буддизм непосредственно в финансовой деятельности и карьере китайцев, а также вопрос об отношении буддизма к богатству, труду и денежным ресурсам.

Ключевые слова: религия, буддизм, ценности буддизма, отношение буддизма к богатству, буддизм в Китае, религиозное сознание китайцев, религия в Китае, отношение к труду в буддизме, влияние буддизма на взгляды китайцев.

Богатство, бизнес, финансы и карьеры – неотъемлемая часть жизни каждого преуспевающего современного китайца. Благодаря их внутреннему стержню, специфической деловой культуре, нестандартному мышлению, а самое главное благодаря такой религии как буддизм жители Поднебесной считаются одними из самых успешных в мировом экономическом пространстве. Актуальность работы заключается в том, что буддизм оказал непосредственное влияние на формирование у китайцев жизненных ориентиров, а также такого типа мировоззрения и мышления, которые позволяют им быть успешными в экономической сфере, но при этом не терять свое внутреннее «Я», жить размеренно и сдержанно по законам дхармы.

При исследовании данного вопроса был рассмотрен ряд работ отечественных исследователей данного вопроса, среди которых наиболее важными являются статьи М. С. Уланова, а также произведение А. С. Агаджаняна. Кроме того, при написании статьи было задействовано одно из важнейших произведений буддийской литературы Дхаммапада — знаменитый буддийский сборник изречений, составленный на пали. В работе использована Дхаммапада в переводе с пали В. Н. Топорова.

Буддизм – одна из древнейших религий, которая стала проникать в Китай в своей северной форме Махаяны уже во II в. н.э. В настоящее время буддизм считается самой распространенной религией в Китае, насчитывающей 100 миллионов последователей, или около 8 процентов китайского населения, включая тибетцев, монголов и несколько других этнических меньшинств. По данным Государственного управления по делам религий, в стране насчитывается около 13 000 буддийских храмов и около 200 000 буддийских монахов и монахинь.

Буддизм, в широком понимании – некая практика жизни в гармонии, а также своего рода вершина человеческого познания вселенной. Буддизм многогранен, как сама жизнь, и охватывает все сферы бытия. Основа буддийского учения – практика, то есть непосредственные действия, ведущие к умиротворению, счастью и постижению сути всех вещей. Буддизм – то религиозное учение, не принимающее повседневные пагубные желания и страсти, которые неминуемо ведут к страданию. Однако, на бытовом уровне буддийское учение не отрицает значимость богатства и благополучия, но только при том условии, если желание их заполучить не становится единственным смыслом и всепоглощающей страстью. Можно сказать, что буддизм признает роль экономической деятельности в создании гармонии.

Прямым подтверждением того является изречение из важнейшей книги буддизма – Дхаммапады: «Того, кто исполнен веры и добродетели, наделен славой и богатством, в каком бы месте он ни оказался, чтут повсюду» [2, с. 26]. Желая стать успешным и жить в финансовом благополучии, важно прилагать усилия и заниматься упорным трудом, но не делать богатство и благополучие смыслом и некой самоцелью. Китайцы